
III. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

ГУСАРЫ В «ПОВЕСТЯХ БЕЛКИНА»

Давно уже было обращено внимание на существенные параллели между «Маленькими трагедиями» и «Повестями Белкина», писавшимися почти одновременно в 1830 году в Болдине.¹ Мы рассматриваем повести, о которых говорится в настоящей заметке, как некоторую параллель к «Моцарту и Сальери». Основной конфликт этой трагедии, с нашей точки зрения, неразрешимое противоречие творческого процесса между «сальерианским» трудом упорным», когда «ремесло поставлено подножием искусству», и спонтанным творческим, «моцартианским» вдохновением, когда великолепное творение как бы само по себе рождается в гениальном мозгу художника.

Воплощаясь в материале, творение утрачивает свою первоначальную, первозданную, непередаваемую прелесть. («Мысль изреченная есть ложь», — заметил другой гениальный поэт.) Таково трагичное для всякого художника неразрешимое противоречие творческого процесса. Можно сколь угодно приближаться к совершенству, соединяя вдохновение с неустанной работой, но воплотить в материале то, что рождается волшебным видением в мозгу гения, очевидно, невозможно. Пушкин разделил эти две ипостаси творческого труда между двумя художниками и показал неразрешимость подобного противоречия гибелью обоих. Моцарт отравлен, а Сальери намертво приговорен умирающим: «Гений и злодейство / Две вещи несовместные» (VII, 134).

¹ Нашу концепцию связи «Повестей» с «Маленькими трагедиями» см. в статье «Трагедия бытия и поиски спасения. “Маленькие трагедии” и “Повести Белкина”» (Русская литература. 2021. № 1. С. 86–117; вошла в кн.: *Альтшуллер М. Г. Пушкин. Кюхельбекер. Грибоедов.* СПб., 2022. С. 21–88. Там же основная литература вопроса).

Принципиально неразрешимое для человечества в целом может быть, по Пушкину, хотя бы частично, компромиссно разрешено в частном человеческом бытии. И поэт противопоставляет четкие, опирающиеся на давнюю традицию конструкции «Маленьких трагедий» — «Повестям Белкина» с их хорошо знакомыми читателям реалиями и деталями повседневного русского быта. В этих маленьких повестях традиционный литературный материал разрушается и переосмысливается во имя счастья отдельной личности, индивидуума, хотя благополучное, как кажется, разрешение в принципе не разрешаемых конфликтов в большинстве случаев все же оказывается далеко не полным.

Противопоставление «сальерианского» и «моцартианского» начал, с нашей точки зрения, прослеживается в трех из пяти повестей Белкина. Главными действующими лицами в этих повестях являются гусары. Выбор именно гусар из всего армейского корпуса (не уланы, не кавалергарды и пр.) не случаен.

Слова гусар, гусарский встречаются в текстах Пушкина 77 раз. Улан, уланский — 20, 9 раз — кавалергард и кавалергардский, что неудивительно: громоздкое четырехсложное слово с трудом влезает в стих (чуть ли не единственный раз: «Бренчат кавалергарда шпоры» — VI, 17), кирасиры — 2 раза. Последние названия родов войск встречаются только в прямом значении, без дополнительных коннотаций, тогда как слово «гусар» всегда связано с представлением о бесшабашности, лихости, непредсказуемости поведения. Такие коннотации прочно утвердились в русской литературе прежде всего стараниями блестящего поэта-гусара Дениса Давыдова. В его интерпретации гусар прежде всего лихой храбрец и пьяница, никогда не расстающийся ни с саблей, ни с чаркой, всегдашний победитель женских сердец.² Героем популярных стихов Давыдова был А. П. Бурцев, «величайший гуляка и самый отчаянный забулдыга из всех гусарских поручиков».³ Давыдов писал ему:

Бурцов, ера, забияка,
Собутыльник дорогой!
Ради бога и... арака
Посети домишко мой?!
(«Бурцову. Призывание на пунш», 1804)⁴

² Именно эту черту гусарского поведения, явно подражая Давыдову, воспел юный Пушкин еще в лицейских стихах: «Но гусары ведь невинны, / Что у мужа роги длинны...» («Куплеты на слова "С позволения сказать"», 1816; АПСС. Т. 1. С. 304).

³ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 74 («Лит. памятники»).

⁴ Давыдов Д. В. Стихотворения. Л., 1984. С. 56 («Б-ка поэта». Большая сер.).

Или в другом стихотворении, ему же посвященном:

Собирайся вкруговую,
Православный весь причет!
Подавай лохань златую,
Где веселие живет!
Наливай обширны чаши...
(«Бурцову», 1804)⁵

К началу 1830-х годов (напомню, что Пушкин написал «Повести Белкина» в 1830-м) этот образ окончательно сложился и в литературе, и в сознании читателей. Так, в 1832 году, то есть приблизительно в то же время (чуть позднее), когда изображал своих гусар Пушкин, Вяземский вспоминал лихие гусарские времена, обращаясь к Давыдову («К старому гусару»):

На тебя, гусар мой, глядя,
Сердце вспыхнуло до дна.
Молодые годы наши
Разгорелись в ярких снах;
Будто пиршеские чаши
Снова сохнут на губах.⁶

А сам Давыдов тоже в 1832 году в стихах с выразительным названием «Гусарская исповедь» писал:

И я спешу в мою гусарскую семью,
Где хлопают еще шампанского оттычки.
Долой, долой крючки от глотки до пупа!
Где трубки? — Вейся дым на удалом раздолье!
Роскошествуй, веселая толпа,
В живом и братском *своеволье!*⁷

Последнее слово курсивом выделено нами. Для нашего рассказа оно особенно важно. Как увидим, герои «Повестей Белкина» поступают всегда вопреки правилам, повинуются только собственной воле, своим желаниям и настроениям.

Обратимся к тексту «Повестей». Первой стоит «Выстрел». Здесь изображаются основные черты гусарства⁸ не как принадлежность

⁵ Там же. С. 57.

⁶ Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986. С. 243 («Б-ка поэта». Большая сер.).

⁷ Давыдов Д. В. Стихотворения. С. 101.

⁸ См. в словаре Даля: «*Гусарить*, молодецковать из похвальбы, франтить молодечеством» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880. Т. 1. С. 420).

к определенному роду войск, а как выражение некоторого общественного идеала. Они показаны в описании молодого графа Б., сделанного врагом и завистником героя: «Отроду не встречал я счастлинца столь блистательного. Вообразите себе молодость, ум, красоту, веселость самую бешеную, храбрость самую беспечную, громкое имя, деньги, которым не знал он счета и которые никогда у него не переводились...» (VIII, 69). Неотъемлемое свойство настоящего гусара — храбрость. Граф Б. наделен ею. Его смелость натуральна, естественна, «беспечна»: «Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки...» (VIII, 70).

Графу Б. противостоит Сильвио (имя похоже на Сальери), его однополчанин, тоже гусар. Но Сильвио — гусар не настоящий. Все его поведение искусственно, не органично. Он составил себе правила, которым, с его точки зрения, должен соответствовать истинный гусар, и следует этим правилам: «...буйство было в моде; я был первым буйном по армии. Мы хвастались пьянством. Я перепил славного Б<урцова>, воспетого Д<енисом> Д<авыдовы>м. Дуэли в нашем полку случались поминутно; я на всех бывал или свидетелем, или действующим лицом» (VIII, 69).

Тема «гусарства» возникает и в следующей повести — «Метель». Корнет Дравин охотно соглашается участвовать в совершаемом против воли родителей венчании, потому что «это приключение, уверял он, напоминало ему прежнее время и гусарские проказы» (VIII, 79). А главным исполнителем неожиданно обернувшейся «проказы» становится гусар Бурмин с его странной женитьбой на незнакомой, никогда до того не виденной им девушке: «Старый священник подошел ко мне с вопросом: “Прикажете начинать?” — “Начинайте, начинайте, батюшка”, — отвечал я рассеянно. Девушку подняли. Она показалась мне не дурна... Непонятная, непростительная ветреность... я стал подле нее перед налоем; священник торопился; трое мужчин и горничная поддерживали невесту и заняты были только ею. Нас обвенчали. <...> ...я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что, отъехав от церкви, заснул и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции» (VIII, 86).

Гусару Бурмину противопоставлен *армейский* прапорщик Владимир. Как и Сильвио, он руководствуется в своей жизни готовыми, в его случае, литературными моделями. Он умоляет любимую девушку «венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые, конечно, будут тронуты наконец героическим постоянством и несчастьем любовников и скажут им непременно: Дети! Придите в наши объятия» (VIII, 77–78; курсив наш. — М. А.).

Героем повести «Станционный смотритель» снова становится «молодой, стройный гусар с черными усиками» (VIII, 101) — ротмистр Минский. Как хорошо помнит читатель, он влюбился в красавицу Дуню с первого взгляда. Притворился больным. И на третий день увез ее в Петербург, женился. И в финале повести мы узнаем, что красавица приехала «в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами, и с кормилицей, и с черной москочю...» (VIII, 106).

Гусару Минскому на этот раз противопоставлен не военный, а бедный смотритель, «сущий мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда» (VIII, 97). Этот необразованный, бесправный бедняк, в отличие от бесшабашного, веселого, добродушного гусара, строит свою жизнь, принимает решения не спонтанно, а руководствуясь определенными правилами и четко усвоенными представлениями.

С точки зрения Вырина, судьба Дуни может свершиться только в двух вариантах, точнее, в одном: «Не ее первую, не ее последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал, да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе и бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою <...> поневоле согрешишь да пожелаешь ей могилы» (VIII, 105; курсив наш. — М. А.). Других вариантов бедный смотритель, думающий только в привычных, твердо заданных правилами обычного существования категориях, — не видит.

И далее несчастный отец конструирует по готовым литературным моделям два исхода совершившегося несчастья. Один — трагический конец несчастной девушки, описанный в знаменитой повести Карамзина «Бедная Лиза», — несчастная жертва любви покинута соблазнителем и погибает. Повесть эта была столь популярна, что и Самсон Вырин вполне мог ее читать, да и содержание ее вполне совпадало с печальной аксиомой («не первая, не последняя»), сформулированной им в разговоре с проезжим титулярным советником А. Г. Н.

Эту печальную модель сознание бедного смотрителя решительно отвергает. Он усиленно цепляется за другую, более значительную литературную модель — евангельскую притчу о блудном сыне (Лк 15: 11–32). В самом начале повести тщательно описаны картинки, украшающие «смирненную, но опрятную обитель». Они изображают историю блудного сына. На последней «представлено возвращение его к отцу; добрый старик <...> выбегает к нему навстречу, блудный сын стоит на коленях...» (VIII, 99). А в евангельском тексте, который, несомненно, хорошо знал Вырин, еще выразительнее:

«еще же ему далеке сущу, узре его отец его, и мил ему бысть, и тек нападе на выю его, и облобыза его».

Таким любящим, прощающим блудную дочь отцом видит себя Вырин в выстроенной по евангельскому образцу модели. Именно этот вариант (что Дуня будет брошена, отец ее не сомневается ни на мгновение) как единственно возможный благополучный исход упрямо вынашивает он в своем сознании. Моля о возвращении блудной дочери, он уговаривает Минского: «Что с возу упало, то пропало; отдайте мне, по крайней мере бедную мою Дуню» (VIII, 103). Даже обещания смущенного Минского («...не думай, чтоб я Дуню мог покинуть: она будет счастлива, даю тебе честное слово» — VIII, 103) ни на йоту не могут поколебать прочно сидящую в его голове модель.

Итак, если все «Маленькие трагедии» заканчиваются гибелью героев (Моцарт, Сальери, Барон Филипп, Дон Гуан, обреченный Вальсингам), то кажется, что в «Повестях» торжествует свободное, моцартианское начало, о чем свидетельствуют вроде бы благополучные концы каждой повести. Это, однако, не совсем так. Может быть, даже совсем не так.

В «Выстреле», казалось бы, неразрешимая ситуация столкновения «сальеризма» и «моцартианства» разрешилась более или менее благополучно: «моцарт» остался жив, «сальери» проявил благородство, пощадив врага. И одержал моральную победу. Все, однако, не так просто.

Граф Б. действительно остался жив. Прекрасная женщина не потеряла любимого. Семейная жизнь спокойна и благополучна. Но... этот покой куплен жестоким компромиссом. Испуганный граф согласился снова метать жребий и снова выстрелил в противника, не имея на то никакого права. Ради мирного семейного счастья граф поступился честью.⁹ «Предаю тебя твоей совести» (VIII, 74), — торжествуя, бросает Сильвио, уходя победителем с поля боя.

Однако и победа Сильвио оказывается достаточно «пирровой». Сальери потратил жизнь на овладение высотами искусства. Он вкусил «восторг и слезы вдохновенья». Сильвио истратил свою жизнь, лелея мечту о мести. Ничтожная цель оказалась достигнутой. Сильвио не убил, но одержал моральную победу над врагом. И... жизнь прожита, позади жалкое первенство (недолгое)

⁹ Печорин размышляет: «...двадцать раз жизнь свою, даже честь поставлю на карту... но свободы моей не продам» (*Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л., 1957. Т. 6. С. 314; курсив наш. — М. А.*). Для дворянина «золотого века» само собой разумелось, что честь дороже жизни.

в гусарском буйстве и годы, проведенные в пальбе по мухам для тренировки.¹⁰ Впереди только смерть...

И снова, как и в «Выстреле», трагическое столкновение «сальерианского» и «моцартианского» начал в «Метели» кончается как будто благополучно. Бурмин, «ужасный повеса» в прошлом, а ныне «очень милый молодой человек», обрел и любовь, и счастье, неожиданно завершившее его хулиганскую эскападу, — моцартианское начало победило. Но... в сознании читателя остается некоторый тяжелый осадок: погиб честный и добрый Владимир, павший нечаянной жертвой и стихии, и своего антагониста, человека раскованного, веселого, бесшабашного разрушителя правил.

Особенно грустной нотой заканчивается мнимое торжество свободной молодой жизни над строгой регламентацией «правильного», лишённого стихии, вдохновения бытия в «Станционном смотрителе». Погибает одинокий, не дождавшийся появления красавицы-дочери старик. Безутешно рыдает на его могиле счастливая, любимая добрым мужем дочь. Да и сам Минский, встретивший Вырина «в крайнем замешательстве», готовый «просить у него прощения», вряд ли забывает смертельную обиду, нанесенную несчастному старику, как и граф Б. не забывает уступку собственной чести.

Только в одной повести — «Барышня-крестьянка» — нет этого грустного, щемящего настроения.

Но там нет и гусара. Алексей Берестов лишь «потенциальный» гусар. Он только хотел поступить в военную службу, но перестал торопиться, влюбившись в «Акулину», а собирався, как это явствует из его разговора с отцом, именно в гусары: «“Что же ты, Алеша, давно про военную службу не поговариваешь? Иль гусарский мундир уже тебя не прельщает!” — “Нет, батюшка, — отвечал почтительно Алексей, — я вижу, что вам неудобно, чтоб я шел в гусары; мой долг вам повиноваться”» (VIII, 122).

И ведет он себя вполне по-гусарски: «Вздумал он с нами в горелки бегать <...>. Поймает, и ну цаловать» (VIII, 112). И спонтанное, но вполне твердое решение «жениться на крестьянке и жить своими трудами» (VIII, 123) не уступает внезапному венчанию Бурмина по своей лихости, но более логично и здраво.

Как известно, Белинскому очень не нравились «Повести Белкина»: «...недостойны ни таланта, ни имени Пушкина. <...> Особенно жалка из них одна — “Барышня-крестьянка”, неправдоподобная,

¹⁰ Позволю себе напомнить читателю: «Бывало, увидит муху и кричит: Кузька, пистолет! Кузька и несет ему заряженный пистолет. Он хлоп, и вдавливает муху в стену!» (VIII, 72).

водевильная, представляющая помещичью жизнь с идиллической точки зрения...»¹¹ И со своей точки зрения *неистовый Виссарион* с его неумной жадной социальной справедливости был даже прав. «Барышня-крестьянка» является единственной в цикле повестью, где нет никакого щемяще-грустного подтекста, как в «Выстреле», «Станционном смотрителе», «Метели». Торжествуют молодость, любовь, счастье. Не случайно Пушкин заключил ею весь белкинский цикл, как бы пытаясь безоблачностью сельской идиллии смягчить неразрешимые трагедии бытия и проблемы собственной творческой, общественной и (будущей) семейной жизни.

В чистом виде «сальеризм» и «моцартианство», как и другие параметры человеческой личности, встречаются только в сверхреалистическом мире «Маленьких трагедий». В обыденном бытии (быте) они смешиваются в каждом человеке с преобладанием того или иного начала. Человечество делится на людей «сальерианского» типа, с преобладанием рационализма, следования правилам и нормам, обдумывания своих действий, и «моцартианцев» — людей смелых, действующих спонтанно, зачастую не контролирующих своих поступков.

Столкновение, общение, взаимодействие, сосуществование людей с такими противоположными параметрами никогда не ведет к гармонии (или застою), к перманентному счастью ни отдельной человеческой личности, ни всего человечества. Такая гармония, по всей очевидности, в принципе невозможна.

Об этом за шесть лет до «Повестей Белкина» молодой еще (ему было 25 лет) романтик Пушкин написал:

...счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!..
И под изданными шатрами
Живут мучительные сны. <...>
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.
(«Цыганы» — IV, 203–204)

А еще через шесть лет, уже совсем незадолго до своей гибели, написал совсем коротко:

На свете счастья нет..
(III, 330)

М. Г. Альтшуллер

¹¹ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 577.